

НА ЗАВЕТНОЙ
УЛИЦЕ

Светлана ГЕБЕЛЕВА

Сбылось. Мне, однако, все еще кажется сном. Но фотографии, диски, телефильм, выпуски газет “Советская Белоруссия” и “Труд” убеждают – это правда! Вот и вчера почта принесла из Минска номер газеты “Советская Белоруссия”, на развороте которого “Улица имени Справедливости”. Так минские журналисты называют улицу имени моего отца Михаила Гебелева.

Приглашение в Минск

Начали с мужем читать – глаза повлажнели. В голове – рой мыслей и воспоминаний. От того мартовского дня, когда позвонил из Чикаго мой двоюродный брат, сын папиной сестры Абрам Сагалович. Он – член правления Чикагской ассоциации ветеранов Второй мировой войны, редактор газеты “Голос ветерана” – подготовил от имени правления Ассоциации подписанное ветеранами обращение к Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко об увековечивании в год 60-летия Великой Победы имени Михаила Гебелева. Мы пытались с братом восстановить справедливость намного раньше, еще живя в Минске, но белорусское правительство было глухо, а правда о героях сопротивления в гетто старательно замалчивалась.

Но вот 23 марта Абрам Сагалович сообщил:

– Света, только что получил письмо от Посла Республики Беларусь в США Михаила Михайловича Хвостова. Даже голос от волнения прерывается. Будет в Минске улица Михаила Гебелева! Сообщи сестрам, вашим семьям...

И Михаил Михайлович Хвостов, и первый секретарь Лариса Леонидовна Бельская, и все сотрудники Посольства сделали все, чтобы голоса ветеранов войны, бывших узников гетто и концлагерей, ныне проживающих в США (из Нью-Йорка, Чикаго, Миннеаполиса) были услышаны Президентом Беларуси.

Пришел день, когда нам позвонила Лариса Леонидовна Бельская.

– Светлана Михайловна, собирайтесь в Минск. Мы получили для вас и вашего мужа приглашение из Министерства иностранных дел республики на открытие улицы и Мемориальной доски Михаила Гебелева.

Встреча через 5 лет

И вот мы в Минске, нашем родном городе, где всегда чувствуем себя своими. За пять лет он еще более вырос и похорошел. Появились необыкновенно красивые дома, такие как здание Национальной библиотеки... Минск нам показывает встретивший нас в аэропорту третий секретарь Министерства иностранных дел Александр Стригельский, обаятельный молодой человек, ставший для нас за десять дней настоящим другом. Он взял на себя все заботы по оформлению необходимых документов в ОВИРе, а мы поспешили к нашей тетушке Блюме Маршак, младшей маминой

сестре. Встреча через 5 лет! Это так важно, когда годы летят, а тебе уже 92... Но тетушка держится молодцом. У нее заботливые дети: старшая дочь Рая Мялик – инженер, сын Веня Маршак – известный в республике художник. Он тоже причастен к появлению на карте Минска улицы Михаила Гебелева. Моя мудрая тетушка, которую мы нежно любим, хорошо помнит нашего папу. Когда папа с мамой поженились и переехали в Минск, Блюма приехала сюда же учиться на бухгалтера. Жить было негде, и ее приютили наши родители. В небольшой комнате на Мясникова находилось место для всех. Даже если съезжалось много гостей из Узлян, папиного местечка, и из Любонич, маминой деревни, гостей клали на кровать, диван, а сами располагались на полу.

В комнате было много книг: папа постоянно учился. А мои сестры Рая и Зина любили пошалить. Когда они начинали шуметь и папе мешали, он шлепал их небольно и серьезно говорил: “Прекратить”. Но тишина наступала ненадолго.

– Папа не умел на нас сердиться. Он был очень добрый, умный, красивый, приветливый. С каждым старался поделиться душевным теплом и куском хлеба, – вспоминает средняя сестра Зина.

А вот что говорит старшая Рая:

– Папа был человек очень занятый: работа, учеба, общественные дела. Но, при этом, был заботливым мужем и отцом. Во всем помогал маме. Когда было свободное время, играл с нами, водил в зоопарк, читал нам книжки, развивал наше мышление.

– Жили мы дружно, – вспоминала мама, – муж мой был человеком редкой порядочности и доброты, трудолюбивый и целеустремленный.

Наш отец, родом из местечка Узляны, что близ Минска, начал свою трудовую жизнь в 15 лет столяром-краснодеревщиком. Профессия эта из поколения в поколение переходила от отца к сыну.

Наш дед Лейба Гебелев научил столярному мастерству сыновей (их было четверо и столько же дочерей), но старался дать детям

образование. В дом приходил сельский учитель Судакин. Особой тягой к знаниям отличались Борис, Михаил и Сара. Борис стал главным инженером завода в Борисове, Сара – учительницей в Нежине.

Покинул Узляны и Михаил. В 1927 году в возрасте 22-х лет его призвали в армию в Бобруйск. Там он окончил полковую школу, стал командиром отделения, вступил в партию. Демобилизовавшись, переехал в Минск с женой Хасей, с которой познакомился во время воинской службы. Неподалеку от их части было местечко Любоничи, где жила семья сельского парикмахера Бунима Кацнельсона. В ней тоже было 8 детей. С одной из дочерей Бунима, привлекательной и звонкоголосой Хасей, свела судьба Михаила. Переехав в Минск в 1929 году, молодожены стали строить семью. Мама вела хозяйство, растила детей. Отец работал столяром на заводе имени Молотова. Грамотный, рассудительный, справедливый, он всегда защищал интересы товарищей и его избрали в профком. Вечерами учился на рабфаке, потом в Комвузе, преобразованном в республиканскую партийную школу. Окончил ее в 1939 году и до начала Великой Отечественной работал инструктором-пропагандистом Сталинского райкома партии Минска.

Летом 1941 года семья должна была переехать из одной комнаты, где жила на улице Мясникова, в благоустроенную квартиру. В июне как раз родилась еще одна дочь. Это была я. Отец дал мне имя Светлана. Вот и все, что он успел сделать за две недели моей младенческой жизни. Началась война. Маму с тремя детьми на руках он оставил в бомбоубежище, а сам отправился на сборный воинский пункт в Уручье с соседом и сослуживцем Давидом Бельником.

Давид рассказывал, что отец взял с собой краюху хлеба и книги, как оказалось, учебники. На сборном пункте царили паника и неразбериха. Сюда проникли диверсанты. В этой обстановке отец сказал:

– Я возвращаюсь в Минск, Давид. Так надо.

Отец вернулся в Минск не прятаться и отсиживаться, а бороться с врагом. Он был уверен, что семья в Минске, но не нашел нас. Он был уверен, что в городе остались руководящие работники горкома и ЦК. Но партийная и чекистская верхушка унесла ноги, оставив жителей города на произвол судьбы, а еврейское население на заклятие.

В повести-воспоминании о Минском гетто бывшего узника Валентина Скобло рассказано, как Михаил Гебелев, вернувшись в город, разыскивал соратников. Это было на похоронах отважного подпольщика Якова Киркаешты, убитого гитлеровцами. Там отец познакомился с Григорием Смоляром, организатором подполья в Минском гетто. Смоляр сразу предложил Гебелеву занять в руководящей тройке место погибшего товарища. Григорий Смоляр, партийный работник из Белостока, понимал, как нужен подполью такой человек, как Гебелев. Потому что и сам Смоляр, и погибший Киркаешта, и даже секретарь подпольного горкома Исая Казинец – Славка, Победит (его настоящее имя стало известно после войны) не были минчанами. Гебелев же хорошо знал город, людей в гетто и в русских районах и пользовался их авторитетом и уважением. Он и стал связующим звеном между подпольем гетто и города –

уполномоченным Минского подпольного горкома.

В подполье Гебелев пришел не один. Он привел и рекомендовал довоенного друга Матвея Пруслина, с которым вместе работал в райкоме. Вскоре был организован надежный актив: Роза Липская, Эмма Родова, Лена Майзелис, Циля Ботвинник, Арон Фитерсон, Слава Гебелева (жена папиного брата Хаима), Давид Кисель, с которым отец работал на заводе. Руководящему центру удалось вовлечь в подпольную борьбу немало людей. Работая в оружейных и пошивочных мастерских, на заводах, в юденрате, каждый из подпольщиков добывал, что мог: оружие, одежду, медикаменты для военнопленных, уходивших в партизаны. Самые сложные задания выполнял Гебелев.

В книге “Мстители гетто” Г. Смоляра, которую я бережно храню в домашнем музее отца, как и множество другой литературы и документов, автор вспоминал: “Мы снова отправили в город Михаила Гебелева – “Бесстрашного Германа”. Он умел несколько раз в день пробираться в город, хотя враг подстерегал на каждом шагу. Мы просили его быть осторожным, но это не помогало. Его можно было увидеть везде: и в подполье у молодежи, готовящейся к отправке в лес, и на нашей радиостанции, и на улице во время ухода групп в партизанские отряды”.

На конспиративной квартире Антонины Мелентович отец встречался с Исаем Казинцом, от которого получал задания. Они приносили сводки Совинформбюро, а Мелентович их распространяла. Отец участвовал в создании подпольной типографии. Через русского человека Василия Орлова отправлял еврейских детей в детские дома русских районов. Для уходивших из гетто и лагерей военнопленных в партизаны добывал документы через подпольщиков Василия Сайчика, Захара Гало и других. Один из подпольщиков, Алексей Котилов, дважды по заданию секретаря подпольного горкома Ивана Ковалева передал Гебелеву 200 паспортов. Было это на конспиративной квартире И. Дементьева вблизи гетто. Котилов вспоминал: “Когда я стал смотреть в прорезь занавески в доме Дементьева, то через некоторое время увидел Гебелева. Он уверенно шел к колючей проволоке, которой был опоясан район гетто. Я увидел, как он достал из кармана кусачки и прорезал ими проход в проволоке, осмотревшись по сторонам, вошел в дом. Гебелев произвел на меня большое впечатление своей смелостью”.

В гетто у папы погибли 16 родных, в том числе и его отец Лейба, зарубивший в Узлянах явившихся на постой в его дом гитлеровцев, а после этого пробравшийся в Минское гетто. Увы, здесь он не спасся. А ведь Михаил Гебелев, владея документами, мог бы спасти родных... Он думал о спасении боеспособных людей.

В мае 1942 года Гебелев стал официальным руководителем подполья в гетто. На совещании подпольщиков города, где было создано пять подпольных райкомов, он был утвержден, по рекомендации

Ивана Ковалева, секретарем Тельмановского (в гетто) подпольного райкома и в этой должности себя показал бесстрашным и опытным руководителем.

Когда в конце июля отец попал в застенки гестапо, это было невосполнимой утратой для всего Минского подполья. Его пытались спасти. В городе и гетто были собраны большие средства. Но не удалось. После гибели Гебелева подпольный райком в гетто перестал действовать.

Мама долго не верила в гибель отца. Она всю жизнь посвятила тому, чтобы по крупицам собрать всю информацию о нем. Я, самая маленькая в семье, была всегда рядом с мамой. Мы с ней часто бывали в семьях бывших подпольщиков и партизан, сослуживцев и односельчан отца. Их рассказы, воспоминания помогли мне воссоздать дорогой образ и полюбить его не меньше, чем живого.

Поиск наш, обрастая новыми фактами и подробностями, привел меня в журналистику. Все, что я писала о гетто, было связано с именем отца, но много лет написанное оставалось в моем столе, потому что тема подвига еврейского подполья была закрыта. В Минске были четыре улицы, названные именами секретарей подпольных райкомов, но не было улицы секретаря партийного райкома в гетто. Думалось: ведь когда-нибудь восторжествует справедливость! В этом меня поддержала белорусский историк Анна Павловна Купреева – единственная, кто взялся за еврейскую тему в Институте истории Академии наук БССР. Она позвонила мне и попросила помочь в сборе материалов об отце. “Света, – ваш отец герой, – уверяла она”.

Я собрала много воспоминаний родных, друзей, соратников папы по борьбе с фашистами. Конечно, записала я воспоминания и моей тети Блюмы Беньяминовны Маршак, с которой снова встретилась в октябре.

...Мы с тетушкой говорили и говорили. Она вспомнила эвакуацию. 24 июня 1941 года папа расстался с нами в газозубежище на улице Мясникова. Он отправился на призывной пункт в Уручье, а когда вернулся в Минск, вырвавшись из окружения, семью не нашел. Он решил, что мы погибли. Может, потому он и не щадил себя, мстил врагу... А на самом деле мы в это время находились далеко от Минска. Тетушка Блюма, которая работала бухгалтером в обкоме партии, спасла нас. Обком дал для своих работников машины, чтобы вывезти их из Минска. Блюма взяла нас, среднюю сестру Фруму с сыном Мариком, и через несколько месяцев мы оказались в Казахстане. Когда после войны мы вернулись в Минск, нас ждала похоронка из Штаба партизанского движения...

Я, младшая из сестер, почти ничего не помню из того времени. И вот сейчас тетушка опять рассказывает об этом. В ее 92 года у нее очень ясный ум. Она пишет нам мудрые письма. Когда в “Советской Белоруссии” была опубликована карта с обозначенной на ней улицей Михаила Гебелева, бывшим Мебельным переулком, Блюмочка, так мы с сестрами ее называли, прислала карту нам в Баффало.

Надо ли говорить, что первым моим желанием, когда мы с Юрисом,

моим мужем, приехали в Минск, было желание поскорее попасть туда... к отцу.

Спешим к отцу

И вот мы едем к нему. Найти заветную улицу несложно. Я, коренная минчанка, хорошо знаю, где находится Мебельный переулок, названный его именем. Мы жили неподалеку, на улице Мясникова. Здесь до сих пор находится здание 12 средней школы, которую я окончила. Мы часто проходили с девочками там, по бывшему району гетто. Наша классная руководительница Зинаида Юрьевна Егорова, бывшая партизанка, водила нас по улицам Шорной, Сухой, Коллекторной, Немиге... Она просила нас не шуметь, прислушаться к стонам этих улиц. У многих моих одноклассниц погибли родные в гетто. Снова передо мной Сухая, Коллекторная... За углом был Мебельный переулок. Сердце прыгает в груди. На угловом здании красивая нежно-сиреневая табличка с надписью: “Улица М. Гебелева, 1”. Протираю глаза, спрашиваю у стоящего рядом мужа:

– Юрис, не снится ли мне?

– Не снится, – уверяет он.

Вот она заветная улица. Она есть! Она существует! Здесь проходила граница гетто, которую пересекал отец порой несколько раз в день.

Цена его жизни

Мысленно вижу заколоченные окна, изможденные испуганные лица, дула автоматов на вышках у проволоки и оглядывающегося по сторонам человека. Михаил Гебелев шел на задание... 300 отважных подпольщиков сражались под его началом. Он секретарь подпольного райкома, член Минского горкома, мог бы себя сберечь, раздавая указания из прикрытия (кочегарки, тифозного барака), но Михаил Гебелев брал на себя самые опасные, самые ответственные задания, за что его в городе и гетто прозвали Бесстрашный Герман. Он организовывал явочные квартиры,

отправлял боеспособных людей в партизанские отряды, а еврейских детей – в детские дома русских районов, руководил молодежным подпольем, подпольной радиостанцией, прятал в “малинах” гетто активистов городского подполья, к примеру, Исаю Казинца, Ивана Кабушкина. На базе Минского гетто было создано 9 еврейских партизанских отрядов. Почти десять тысяч спасенных узников гетто (эту цифру дал мне профессор-историк Давид Мельцер) – такова цена жизни самого героя, который попал в лапы гестапо при отправке очередной группы в партизаны. После зверских пыток, никого не выдав, Михаил Гебелев был казнен гестаповцами 15 августа 1942 года.

...Перед нами тихая мирная улица. Она небольшая, зеленая, уютная. С одной стороны – сияющие свежей краской дома, профессиональный колледж строителей, спортзал. С другой – жилой дом и зеленый сквер со спортивной площадкой – это территория бывшего еврейского кладбища. Его снесли давно. Это было кощунством. Таким же, как забвение жертв и героев Минского гетто.

Заметила, еще сохранились на бывшей территории кладбища несколько надгробий. А рядом три высоких мемориальных камня, поставленных в октябре 1993 года в память погибших в гетто евреев из стран Западной Европы. Я была в тот день на открытии мемориала.

Не символично ли, что в таком месте находится улица имени руководителя подпольного сопротивления Михаила Гебелева. Знаю, что заслуга в выборе этой улицы и организации торжественной церемонии принадлежит главному специалисту Мингорисполкома Марии Михайловне Станкевич и депутатам горсовета.

Просто герой

Мы возвращаемся к дому №1. Строители заканчивают мостить тротуар, а из подъезда выходят пожилые мужчина и женщина. Они о чем-то громко говорят, спорят. Подходим ближе.

– Извините, – говорим, – у вас проблемы?

Женщина останавливается.

– Вот видите, переименовали. Теперь паспорта менять, прописку. А стоит ли человек этого, кто он такой?

Муж показывает на меня.

– Перед вами дочь Гебелева. Мы прилетели издалека на открытие улицы.

Жильцы дома смотрят на меня. Рассказываю об отце. Коротко, сжато. Женщина спрашивает сердито:

– Почему же мы об этом нигде не читали? И вообще, мой отец – ему 95 лет – тоже воевал, а о нем не пишут.

Что я могла возразить?.. Расстроенные, мы пошли на троллейбусную остановку. Непонятно каким образом раньше нас здесь очутилась наша недавняя собеседница.

Увидев нас, она неожиданно подошла ко мне и спросила:

– А ваш отец – Герой Советского Союза?

– Нет, мой отец – просто герой...

Как бы извиняясь, женщина приложила руку к сердцу.

– Знаете, я обязательно приду завтра на открытие.

Мы действительно увидели ее утром с цветами и зонтиком. Это, такое торжественное утро, 15 октября выдалось ветреным и дождливым. Сомневалась, что кто-то придет, кроме близких. Но сквер был полон людей.

Ветераны, многих из которых знаю, о некоторых даже писала когда-то. Вот они подходят ко мне: Галина Давыдова, Аркадий Тейф, Майя Крапина, Фрида Рейзман, Фрида Аслезова (Кисель). Незнакомая мне молодежь. Рядом со мной двоюродные братья и сестры – племянники отца, их дети, друзья, бывшие соседи, пришедшие и приехавшие из Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля...

Признание

Возле дома – представители руководства республики, города, Московского района, где находится улица, еврейских организаций.

В груди щемит: сейчас я увижу Его! Только что снято белое покрывало с мемориального портрета, установленного на доме №1. Покрывало еще у меня в руках, но я отхожу все дальше под пронизательным взглядом строгого, решительного, мужественного, красивого человека. Похоже? Очень.

– Здравствуй, папа, – говорю ему шепотом, – я прилетела, я пришла к тебе через тысячи километров, через много десятилетий. Я знала, что этот день придет. И мама знала. И старшие твои дочери Рая и Зина знали. Они не смогли приехать, но они шлют тебе привет. Пришли к тебе племянники. Мы и наши семьи, родные, друзья – все, кто знал и знает тебя, гордимся тобой. Ты будешь жить в веках!

Он смотрит на меня, но не видит. Он не может мне ответить, потому что отлитый в бронзе остался за далью страшных, огненных лет. Не могу выйти из оцепенения, потрясения, которое произвел на меня этот скульптурный портрет отца. Михаил Гебелев предстает из отлитой латы, которую пришивали евреи к одежде в гетто, в обрамлении венка из колючей проволоки, которую он смело разрезал, выходя на связь с подпольщиками города.

Здесь, на торжественной церемонии, находится знаменитый архитектор Леонид Левин, автор проекта Мемориальной доски. Сюда пришел возложить прекрасные розы талантливый скульптор, директор Минского скульптурного комбината Александр Дранец, отливший портрет отца с помощью Вадима Мацкевича и Александра Суркова. Сердечное спасибо вам, дорогие! Благодаря вам Михаил Гебелев сам участвует в этой торжественной церемонии!

А вот строки, начертанные под портретом: “Улица названа именем одного из организаторов Минского антифашистского подполья, секретаря районной подпольной организации на территории гетто в годы Великой Отечественной войны Михаила Львовича Гебелева. Погиб в 1942 году”.

Погиб, не дожив до 37 лет. День открытия улицы был днем 100-летия героя. Шел дождь. Плакало небо. Плакали люди, что погиб этот отважный человек таким молодым и потому, что столько десятилетий после войны имя его было в забвении.

С волнением и гордостью я приняла из рук заместителя министра иностранных дел Виктора Гайсенка медаль “60 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков”, которой отец посмертно награжден решением Президента страны. Меня потрясло, что она была вручена под звуки государственного гимна Республики Беларусь. Это ли не восстановление исторической справедливости – официальное признание подвига Михаила Гебелева и его боевых товарищей!

В канун торжественной церемонии в Минск пришло “Обращение Всеизраильской ассоциации “Уцелевшие в концлагерях и гетто” в связи с увековечением памяти Михаила Гебелева, руководителя сопротивления в Минском гетто”. Его прислал Давид Таубкин, заместитель председателя Всеизраильской ассоциации, бывший узник Минского гетто. Члены Ассоциации выразили признательность депутатам минского горсовета за решение назвать улицу на территории бывшего гетто именем Михаила Гебелева.

Навещайте Анну Павловну

Два дня в нашем распоряжении была редакционная машина газеты “Советская Белоруссия”. Главный редактор Павел Якубович, с которым мы не раз сидели на собраниях в Союзе журналистов, вели дискуссии в журналистском клубе, позаботился о том, чтобы я смогла побывать там, куда тянет меня сердце. Я попросила корреспондента Сергея Крапивина отвезти меня на Военное кладбище, где похоронена историк Анна Павловна Купреева, дорогой для меня и многих людей человек, восстановившая справедливость к узникам и героям гетто.

С трудом отыскивали на кладбище ее могилу. Помню, Анну Павловну похоронили в одной ограде с мужем. Все заросло. Не знаю, сколько уже лет не было здесь людей. Но живет же в Минске немало евреев, чью честь и достоинство Анна Павловна Купреева возродила. Есть в Минской школе № 67 отряд белорусских орлят. Пожалуйста, приедьте на Военное кладбище, возьмите шефство над могилой этой замечательной женщины. А Сергей Крапивин, надеюсь, напишет о том, как мы искали на кладбище могилу Купреевой. Это отдельная тема.

В Узляны

Как продолжение священной эстафеты – наша поездка в Узляны, на родину отца. Об этом меня просил и мой муж Юрис Томс. Он много лет помогает мне в моей поисковой работе, и ему тоже хочется побывать в родных местах тестя, с которым, увы, не был знаком.

Нам повезло, спецкор “Советской Белоруссии” Алесь Карлюкевич родом из Пуховичского района. Он часто бывает в Узлянах, где ведется большая патриотическая работа. До Узлян полтора часа езды. Алесь о чем-то беседует с Юрисом на заднем сидении. А я смотрю на

дорогу, и всплывают в мыслях воспоминания папиного земляка и друга Петра Марковича Чарно. Я познакомилась с ним в Минске, где он был работником связи, а в 90-ые по семейным обстоятельствам переехал с женой в Санкт-Петербург, где и живет до сих пор. Ему недавно исполнилось 90 лет. Папа был на 10 лет старше, но это не мешало дружбе.

Кто не знал в Узлянах и Полянах Михаила Гебелева, сероглазого парня с открытым лицом, неизменной доброй улыбкой, организатора и заводилу всех интересных дел! – рассказывал мне Чарно. – Пойдешь на комсомольское собрание – увидишь за столом президиума секретаря Михаила Гебелева. На заседании сельсовета снова встретишься с ним – членом сельсовета. И еще он активно работал в Узлянском пожарном добровольном обществе. Все у него получалось. Замечательный талант организатора. И главное – прекрасный характер. Очень простой, отзывчивый, внимательный к людям. Миша в любой момент приходил на помощь. Вежлив и тактичен был до утонченности. А ведь хорошим манерам его никто не обучал. Интеллигентность у него была врожденная. И при всей вежливости, скромности, даже мягкости, отличался бесстрашием и отвагой. В 20-х, когда под Узлянами стояли белополяки, нужно было разузнать, каковы силы неприятеля. Помочь в этом красноармейцам вызвался 15-летний Миша Гебелев. Он один проник в расположение белопольских войск и раздобыл очень важные сведения.

Мы жили рядом с Гебелевыми, и я наблюдал его в домашней обстановке. Он работал в отцовской столярной мастерской, которая занимала солидную часть дома. Руки у братьев Гебелевых были золотые. Делали они все прочно и красиво. И Михаил также искусно мастерил мебель, школьные парты, наглядные пособия. Восемь детей воспитывал отец. Мать умерла еще молодой. Миша был похож на нее. Хотя в доме не было хозяйки, в нем всегда царили порядок и чистота. Я никогда не слышал, чтобы в этой семье кто-то сказал бранное слово. Сестры и братья были как на подбор красивы и обаятельны, умны и любознательны. К ним тянулась наша молодежь. Главным богатством в доме были книги.

Увы, не могла я передать привет Абе Львовичу Русинову. Бывший работник Ленэнерго, родом из Узлян, с 1929 года жил в Ленинграде. Как обрадовался он, когда я нашла его, рассказала о подвиге отца. Он был горд, что в числе трех фамилий, которые Гебелев носил в целях конспирации в подполье, была и фамилия Русинов. Аба Львович подарил мне несколько редких фотографий отца, которых не видела даже мама. Фотографии эти сейчас можно найти на разных интернетовских сайтах, а Абы Львовича давно уже нет...

В США мы встретились с Ефимом Шнейдером, сыном того самого Симона Шнейдера, которого спас Михаил Гебелев, когда отправлял в последний раз группу из гетто в партизанский отряд и должен был с ней уйти в лес. Сам Ефим Шнейдер живет в Ричмонде. Не раз навещал нас. Рассказывал, как чудом спасся от погрома в Узлянах, был сначала в Минском гетто, затем воевал в партизанском отряде, а после служил в армии. Остался в живых и его брат Михаил. Михаил с семьей живет в Балтиморе. Они переписываются с Петром Марковичем Чарно. А дочь Михаила, Нелля, часто приезжает в Узляны. Там, в общей могиле,

под постаментом покоится много их родных.

Черный день

Мы стоим у скромного памятника при въезде в Узляны. 8 октября 1941 года 375 евреев – мирных жителей – зверски уничтожили фашисты. Лишь одному из них – фельдшеру Крупицкому – предложили сохранить жизнь. Немцам нужны были медики, а он был искусным врачом. Но Крупицкий отказался. Вся его семья взялась за руки. Так вместе они были скошены огнем. Об этом нам рассказал житель соседней деревни Маховка Алексей Петрович Антипович. Он – старейший житель в округе, в прошлом учитель-фронтовик. В 1937 году окончил Узлянскую школу-семилетку. Знал почти всех евреев, расстрелянных фашистами, но Гебелевых не помнит. И это естественно. К 1941 году в Узлянах остался жить только дед Лейба. Дети и внуки бывали наездом.

В Пуховичском районе есть еще несколько мест массовых расстрелов евреев – в Шацке, близ деревни Пуховичи, Руденске, Тальке. А вот Поречье называют деревней праведников, потому что ее жители спасли немало еврейских детей. В местной базовой Узлянской школе нам показали списки жертв расстрела 8 октября 1941 года. Их собрали юные краеведы. В школе собрано немало материалов о Великой Отечественной. Директор школы Мария Михайловна Грибко и завуч Мария Ивановна Дявго показали нам оформленный школьниками уникальный стенд. Он рассказывает об одном из боев 1944 года, когда на подходе к Минску советские артиллеристы задержали большую группировку вырывавшихся из окружения озверевших фашистов. Сотнями вражеских трупов была устлана земля под Узлянами. Пять бойцов получили за этот бой звание Героя Советского Союза.

Имя Гебелева – школьной организации

Педагоги и ученики школы постоянно ведут поисковую работу. Но о подвиге Михаила Гебелева, своего земляка, не знали. Да и кто мог им об этом рассказать, если тема эта была закрыта, а в Узлянах евреи больше не живут. Я достала портрет отца в красивой раме и поставила его на стол в учительской.

– Знаете, – сказала, поблагодарив, завуч, – мы смотрели в прошлое воскресенье телепередачу. Мы знаем, кто этот человек на портрете, и дети знают. Давайте пройдем по классам. Поднимаясь на второй этаж, Мария Ивановна рассказала, что в школе учатся свыше 50 детей из окрестных деревень. Учительский коллектив небольшой и очень дружный. Ребята старательные и любознательные. Мы зашли в восьмой класс. Я показала детям портрет отца и спросила:

– Кто знает что-то об этом человеке?

Светловолосый мальчишка поднял руку.

– Это Михаил Гебелев, – четко ответил Артем Амбросенко.

– А кто он? – спросила я еще раз.

Ответ был неожиданным.

– Он гений.

Удивительно, что ребята восприняли этот ответ серьезно. Но одна девочка подошла ко мне и сказала:

– Я смотрела передачу о нем. Это отважный подпольщик Михаил Гебелев. В Минске называли его именем улицу.

– И я знаю, и я, – окружили нас Алеша Марачковский, Павел Шамбуров, братья Ваня и Борис Ежовы, Сережа Зубченко.

Приятно было от этого ребячьего внимания! Директор школы Мария Михайловна Грибло сказала:

– В нашей школе непременно появится стенд, посвященный легендарному подпольщику Михаилу Гебелеву, а его именем мы назовем нашу школьную пионерскую организацию.

Чтобы помочь в этом, я оставила в дар школе еще немало фотографий отца и семьи Гебелевых, документы, мои публикации о нем.

Подарок Президента

О посещении Узлян я рассказала в Министерстве иностранных дел, куда нас с мужем пригласили на прием накануне отъезда.

Нас усадили за стол, на котором была красивая большая коробка.

– Это вам подарок от Президента, – сказал заместитель министра.

Юрис открыл коробку. Мы увидели чудесную, полную очарования березовую рощу, написанную художником Юшкевичем. А внизу, на раме картины, табличку с гравировкой: “От Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко”.

Вернувшись в Баффало, мы отправили А. Г. Лукашенко теплое письмо с признательностью за то, что он сделал, за то, что до него не посчитал нужным сделать ни один руководитель Белоруссии – отдал дань посмертной славе секретарю подпольного Тельмановского райкома, действовавшего в гетто, и его боевым товарищам. Теперь в столице Беларуси есть улица Михаила Гебелева, куда мы всегда будем стремиться сердцем и помыслами.

<http://mishpoha.org/n18/18a11.shtml>

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Stories/Gebelev01.html>